

Научная статья

УДК 34:004:342.1:004

EDN: <https://elibrary.ru/bbsqnh>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.39>

Правовые аспекты концепции киберинтересов государств через призму теории законных интересов

Яссин Абдалла Абделькарим

Суд общей юрисдикции в Луксоре, Луксор, Египет
Лидский университет Беккета, Лидс, Великобритания

Ключевые слова

государственные интересы, кибердипломатия, киберинтересы, киберпространство, международная судебная практика, национальные интересы, теория законных интересов, права человека, уголовное право, цифровые технологии

Аннотация

Цель: показать эволюцию концепции государственных интересов и ее применение в киберпространстве, где она оказывается основополагающей для разработки государственной политики, направленной на защиту национальных интересов.

Методы: исследование базируется на пересечении теории права и концепции киберинтересов государства через призму теории законных интересов (Rechtsgutstheorie), изначально разработанной в рамках уголовно-правовой науки, но имеющей перспективы для изучения концепции государственных интересов в киберпространстве. Применение теории законных интересов позволило изучить понятие киберинтересов государства и определить его правовую классификацию, а также приложения к концепции государственных интересов в киберпространстве. В частности, теория законных интересов в настоящем исследовании используется для изучения правовых перспектив концепции государственных интересов в киберпространстве как интересов, подлежащих правовой защите.

Результаты: определено, что в динамичном ландшафте киберпространства существуют многогранные интересы государств, связанные с национальной безопасностью, экономическим процветанием, суверенитетом и дипломатией, для обеспечения защиты которых государства инициируют стратегии, которые порождают разнообразные политико-правовые последствия в международных отношениях. Этим фактом определяется важность изучения концепции государственных интересов с юридической точки зрения, равно как и их правового статуса и последствий. Проведены параллели между концепцией охраняемых правовых интересов в рамках теории законных интересов и киберинтересами, которые государства стремятся защитить. Рассмотрена применимость требования этой теории о балансе конкурирующих интересов к действиям государства в киберпространстве.

© Абделькарим Я. А., 2024

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

Выявлены препятствия применения теории законных интересов к киберпространству, включая трудности атрибуции, пороговые значения ущерба и необходимость глобального консенсуса. Показана эволюция концепции государственных интересов, что обуславливает возможность ее применения в киберпространстве, где она служит целям разработки государственной политики, направленной на защиту национальных интересов.

Научная новизна: выражается в представленном в статье преломлении теории законных интересов к формированию правовой концепции киберинтересов государства, что служит достаточным обоснованием защиты конкретных киберинтересов.

Практическая значимость: основные выводы, изложенные в статье, могут быть использованы для выявления киберпространственных интересов, подлежащих правовой защите (таких как конфиденциальность, целостность данных, суверенитет и экономическая стабильность), совершенствования правовых механизмов защиты национальных интересов в киберпространстве, обеспечения единообразия релевантной международной судебной практики, повышения эффективности и качества управления политикой государств в киберпространстве с целью обеспечения безопасности и мирного сосуществования.

Для цитирования

Абделькарим, Я. А. (2024). Правовые аспекты концепции киберинтересов государств через призму теории законных интересов. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(4), 782–801. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.39>

Содержание

Введение

1. Эволюция концепции интересов государства в цифровой сфере
 - 1.1. Традиционное понимание концепции
 - 1.2. Новая реальность в киберэпоху
2. Теория законных интересов
 - 2.1. Основные положения теории законных интересов
 - 2.2. Вклад теории в развитие правовых систем
3. Интересы государства в киберпространстве как охраняемые законом интересы
 - 3.1. Применимость теории законных интересов в киберпространстве
 - 3.2. Приложение теории законных интересов к концепции киберпространственных интересов государства

Заключение

Список литературы

Введение

Среди факторов, определяющих успех государства, выделяется способность удовлетворять и обеспечивать важнейшие потребности, необходимые для благосостояния и процветания граждан, а также функциональность сильных сторон государства

в международном сообществе. В совокупности эти факторы составляют концепцию интересов государства. В политической сфере можно заметить, что интересы являются импульсом для продвижения национальных стратегий и политики, которые влияют на международные отношения. Они представляют собой главную ось международных отношений, что указывает на важность этой концепции с политической точки зрения. Тем не менее, на первый взгляд, влияние этой концепции в политике никогда не затмит истинные правовые аспекты, которые следует изучить. При изучении влияния концепции киберинтересов государства на их классификацию и правовые последствия можно поставить несколько юридических вопросов.

Неизбежная синергия между политикой и правом в отношении концепции киберинтересов государства заставляет исследователей выбрать определенную правовую теорию для изучения этой концепции с ее точки зрения. Поиск в отраслях права показал, что уголовное право обладает адекватными теориями и понятиями для выполнения исследовательской задачи. Теория охраняемых правовых интересов (*Rechtsgutstheorie*, теория законных интересов, ТЗИ), разработанная немецкими учеными, позволяет изучить понятие киберинтересов государства и определить его правовую классификацию, а также его приложения в рамках конкретной правовой теории. Широкая нормативная база уголовного права наряду с его гибкой применимостью побуждает исследователей выбирать теорию уголовного права для ответа на поставленный вопрос, в анализ и определение которого вносит свой вклад ТЗИ. Кроме того, в литературе отмечается, что эта теория эффективна для решения уголовно-правовых вопросов, несмотря на критику со стороны научного сообщества, касающуюся ее возникновения в отдельной стране. Таким образом, в настоящем исследовании данная теория используется для изучения правовых перспектив концепции государственных интересов в киберпространстве как интересов, подлежащих правовой защите.

1. Эволюция концепции интересов государства в цифровой сфере

Заметное расхождение в природе и контексте между реальным миром и киберпространством влияет на точку зрения, с которой рассматривается концепция государственных интересов. В прежних традиционных исследованиях основное внимание уделялось объяснению и интерпретации этой концепции, с акцентом на реальные характеристики понятия интересов; теперь же, в цифровой сфере киберпространства, несомненно, можно заметить влияние преобладающей технологической повестки на различные аспекты этой концепции. Таким образом, в нашем исследовании мы разделяем соответствующие источники по концепции государственных интересов на работы в рамках традиционной доктрины, фокусирующейся на понимании этой концепции в реальном мире, и на современную литературу по влиянию кибернетики на концепцию интересов.

1.1. Традиционное понимание концепции

Концепция интересов была создана для выражения цели основных гуманитарных устремлений, направленных на достижение преимуществ и предотвращение жертв. В работе Wang (2022) объясняется, что человеческие потребности, желания и чаяния являются движущей силой существования интересов, и их удовлетворение

необходимо для сохранения целостности человека. Для поддержания и улучшения человеческой жизнедеятельности решающее значение имеет удовлетворение основных потребностей. Однако по сути удовлетворение потребностей предполагает получение желаемого с помощью определенных методов, в то время как необходимость проявлять психологическую мотивацию для достижения интересов в реальности отражает попытки удовлетворить эти потребности с помощью механизмов взаимодействия между людьми, например, производства, торговли и дипломатии (Wang, 2022). Кроме того, индивидуальные интересы выступают в качестве стимулов для наилучшего использования человеком имеющихся ресурсов для получения выгод (Thomas, 2023); фрагментация интересов вносит решающий вклад в достижение глобального благосостояния и процветания. Являясь связующим звеном между потребностями и средствами, интерес представляет слияние человеческих потребностей и методов их удовлетворения. Кроме того, интересы имеют социальный аспект, который демонстрирует тесные отношения между государством и его гражданами.

Что касается государств, их интересы как социальное явление относятся к общенациональным требованиям, которые удовлетворяют внутренние потребности, часто противоречащие интересам других государств (Abdelkarim, 2024). Термин «национальные интересы» может быть не вполне ясным, поскольку его толкование варьируется в зависимости от контекста. Государственные деятели и политики используют его для оправдания своих действий и обоснования своих взглядов. Так как государства различаются в определении своих интересов, возникают конфликты интересов, при которых государства используют различные инструменты для защиты своих интересов (Thomas, 2023; Topor, 2024). Следовательно, интересы определяют поведение государства на международной арене, обеспечивая удовлетворение его потребностей. Поскольку интересы государства формируются на основе единой группы человеческих потребностей, они представляют собой общую национальную цель (Wang, 2022). Эта особенность государственных интересов определяется схожестью фундаментальных потребностей конкретной социальной группы. Кроме того, общие интересы публично проявляются в рамках конкретных социальных отношений, и значение этой публичности варьируется в зависимости от различных социальных отношений и интересов (Wang, 2022). Это может относиться к общему содержанию интересов субъектов этих отношений. Ярким примером общих интересов является социальная потребность во внешней безопасности. Отмечая вклад интересов в мировую стабильность, Onditi (2023) назвал их главным инструментом, определяющим формы глобальной межгосударственной дипломатии и методы разрешения конфликтов. Поддержание национальных интересов является истинной целью дипломатии и истинной причиной серьезных различий, наблюдаемых среди государств в этом аспекте.

Wang (2022), кроме того, утверждал, что общие интересы возникают внутри социальной группы. Единство общих интересов подразумевает, что в рамках определенных отношений, связанных с интересами, общие интересы, как правило, уникальны. Это единство общих интересов формирует основу для государственной политической власти в определенных рамках и основывается на конкретных отношениях интересов в социальной и политической жизни. Важно отметить, что, хотя общие интересы различны в рамках конкретного общества и во взаимосвязи интересов, это не исключает возможности того, что эти конкретные общие интересы отражают различные аспекты фактического содержания и ценностей.

Интересы государств представляют собой взаимосвязанную группу потребностей и целей, которые национальные правительства стремятся удовлетворить с помощью ряда методов, таких как дипломатия и правовые или вооруженные конфликты. Согласно Metea (2020), чтобы считаться национальными, интересы должны быть широкими, выходить за рамки узких контекстов и демонстрировать устойчивость к изменениям в результате временных сдвигов. Таким образом, национальные интересы возникают в результате сложного взаимодействия устойчивых, широко применимых проблем, обеспечивающих стабильность и успех страны, удовлетворение которых отражает силу данного государства и уровень влияния, который оно должно поддерживать или приобретать на международной арене для защиты национальных интересов. В то же время Сох (2021) утверждал, что интересы стали занимать центральное место в социальных науках благодаря их роли в формировании коллективных эмоций внутри сообщества. Следовательно, интересы представляют собой коллективную мотивацию группы, побуждающую власти страны принимать защитные меры.

Несмотря на неоднозначность этого понятия, известный американский политик Сэмюэль Хантингтон определяет национальные интересы как «общественное благо, которое касается каждого или большинства граждан; жизненно важный национальный интерес – это тот интерес, ради которого они готовы проливать свою кровь и тратить свои богатства на его защиту. Национальные интересы обычно сочетают безопасность и материальные соображения, с одной стороны, и морально-этические соображения – с другой» (Huntington, 1997; Metea, 2020). Согласно работе McLean и McMillan (2009), концепция национальных интересов охватывает различные аспекты и служит важной основой как для политического дискурса, так и для анализа внешней политики. В первом случае политики активно используют эту концепцию для получения поддержки своих действий. Во внутренней политике возможности этой концепции ограничены из-за разнообразия мнений. В любом случае во внешней политике благодаря этой концепции складывается образ нации, защищающей свои интересы в анархической международной системе. Это стандартный метод определения силы государства в международном сообществе (Thomas, 2023).

1.2. Новая реальность в киберэпоху

Появление киберпространства вызвало бурные дебаты об определении его влияния на взаимодействие людей и потенциальной возможности внесения изменений в сферу международных отношений (Foulon & Meibauer, 2024). Являясь универсальной либеральной областью взаимодействия с открытым доступом, киберпространство дает благоприятные условия для увеличения и распространения различных преимуществ среди пользователей (Thomas, 2023). Таким образом, в виде потоков данных в Интернете генерируются десятки различных интересов, усложняя природу и суть человеческих взаимодействий.

По мере расширения кибернетических возможностей и логики киберпространства меняются и способы взаимодействия государств в рамках международной системы, учитывающие влияние свободы в киберпространстве (Thomas, 2023). В отличие от прежних технологий, таких как телеграф, которые просто ускоряли коммуникацию, киберпространство обеспечивает прямое и немедленное

взаимодействие между правительствами и населением других стран. Такой широкий доступ к киберпространству действует как распределенная возможность, но не меняет фундаментальных принципов деятельности государств, которые по-прежнему основаны на анархии и распределении материальной власти. Универсальность киберпространства, в частности, его мощные возможности и уникальная структура, обеспечивающая неограниченность ресурсов, вывели последствия взаимодействия людей в нем на космополитический уровень, т. е. за рамки двусторонних взаимодействий. Действительно, на материальные и идеологические аспекты киберпространства влияют такие факторы, как стратегическая культура и доступность ресурсов, а используются эти аспекты по-разному и влияют на одних участников в большей степени, чем на других. Этот неравный контроль делает киберпространство более выгодным для одних участников по сравнению с другими. Таким образом, в сфере международных отношений появилась кибердипломатия как растущая международная практика, направленная на создание кибермеждународного сообщества, гармонизирующего национальные интересы государств с динамикой глобального сообщества (Topor, 2024).

Главными действующими лицами на международной арене являются государства, и действуют они в соответствии со своими национальными интересами. Они преследуют эти интересы с помощью анархической схемы, основанной на геополитической мощи и технологическом превосходстве государства (Foulon & Meibauer, 2024), которые являются ключевыми факторами, определяющими поведение государств в киберпространстве. Широкая доступность данных в киберпространстве формирует структурный фактор, влияющий на международные отношения из-за абсолютного технологического превосходства, используемого для контроля над данными в Интернете (Foulon & Meibauer, 2024). Это придает концепции государственных интересов новое измерение, определяемое кибернетическими характеристиками. Более того, киберпространство влияет на восприятие структурных факторов, подобно тому, как ядерное оружие не изменило основную логику поведения государства, но изменило восприятие угроз и возможностей. Следовательно, киберпространство влияет на динамику международных отношений, формируя ограничения, стимулы и поведение государств. В контексте киберпространства это означает, что каждое государство будет действовать для удовлетворения своих национальных потребностей в режиме реального времени, а поведение в киберпространстве будет определяться этими интересами (Abdelkarim, 2024). Таким образом, реальность демонстрирует критическое влияние концепции киберинтересов государств на разработку межгосударственной политики и международных отношений. Более того, национальные интересы являются стимулом для вмешательства государств и разработки своей политики в киберпространстве (Topor, 2024). Изучение подходов различных государств демонстрирует их поспешные попытки консолидировать власть в соответствии с национальными интересами для защиты своей критически важной инфраструктуры, такой как электросети, финансовые системы и коммуникационные сети, от кибератак, а также для достижения экономических преимуществ за счет имеющихся возможностей в цифровой среде.

Следует отметить, что наличие мощных технологических возможностей не является обязательным условием для того, чтобы государство преследовало

свои интересы в киберпространстве, поскольку для достижения эффекта не требуется ничего, кроме простых инструментов доступа в Интернет. Это представляет большую опасность для национальных интересов в киберпространстве, поскольку самый слабый пользователь Интернета может нанести серьезный ущерб интересам государства (Abdelkarim, 2024). Таким образом, защита целостности национальных интересов подразумевает признание их кибернетической составляющей, чтобы государство могло использовать наиболее релевантные методы их поддержания. Более того, интересы государства в первую очередь стимулируют приоритетность национальных интересов в киберпространстве (Cox, 2021). Когда киберинститутам государства угрожает опасность, вмешательство государства становится необходимым для защиты целостности национального благосостояния. Это согласуется с фундаментальными принципами суверенитета и защиты национальных интересов в киберпространстве. Кроме того, угрозы государственным интересам в киберпространстве могут привести к кибервойне, характеризующейся взаимными кибератаками через государственные границы для защиты национальных экономических и военных активов (Fang, 2018). Такие угрозы требуют незамедлительного реагирования государства для защиты национальных интересов.

Управление по вопросам подотчетности правительства США в своем официальном отчете подчеркнуло настоятельную необходимость разработки национальной стратегии кибердипломатии для защиты интересов государства в киберпространстве¹. Этот отчет ознаменовал официальное признание правительством США концепции государственных киберинтересов и ее использование для формирования национальной кибердипломатии. В результате понятие государственного интереса в киберпространстве в настоящее время прочно утвердилось на политической и дипломатической аренах для решения проблем и защиты национальных интересов. Abdelkarim (2024) подтверждает этот вывод, отметив, что понятие государственных интересов в киберпространстве эволюционировало и стало основой государственной киберполитики. Гибкость основных принципов этой концепции, касающихся взаимодействия в киберпространстве, позволяет ей стать определяющим фактором государственной власти в киберпространстве. В том же контексте Reiterer (2022) утверждает, что интересы государства в киберпространстве должны быть основой кибердипломатии для защиты национальной целостности в киберпространстве. Он отмечает, что продолжающееся развитие киберугроз заставляет сосредоточить усилия на внедрении новейших технологий в рамках национальных стратегий противодействия этим угрозам. По мнению того же автора, общие интересы в киберпространстве, например, защита критически важной инфраструктуры, и другие проблемы национальной безопасности, стали основой многостороннего сотрудничества между Европейским союзом и другими международными партнерами, несмотря на различные национальные интересы отдельных государств (Reiterer, 2022). Таким образом, тесная связь между кибердипломатией и концепцией интересов неоспорима.

¹ US Government Accountability Office. (2024, January). Cyber Diplomacy. State's Efforts Aim to Support U.S. Interests and Elevate Priorities: Report to Congressional Addressees. <https://clck.ru/3A7Y99>

2. Теория законных интересов

2.1. Основные положения теории законных интересов

Зародившись в рамках немецкой криминологии, теория законных интересов (далее – ТЗИ) представляет собой подробное аналитическое описание интересов человека, которые должны защищаться правовыми нормами во всей правовой системе по всему миру (Atadjanov, 2019) независимо от национальной принадлежности. Традиционно ТЗИ применяется к любым интересам или ценностям, признанным национальным законодательством. Следовательно, законные интересы являются основанием для криминализации нарушений их защищенного статуса. Таким образом, акт, затрагивающий этот статус, должен быть рассмотрен в рамках ТЗИ, чтобы определить, какие ответные меры следует предпринять для поддержания целостности законных интересов (Atadjanov, 2019; Tianyang, 2024), что дает законодателям функциональное нормативное применение ТЗИ. Это дало основание Atadjanov (2019) обосновать появление ТЗИ в немецкой криминологии доктриной, которая рассматривает преступление как нарушение субъективных прав, а не только правовых норм. Аналогичным образом, Ambos (2015) ранее утверждал, что ТЗИ с помощью юридической науки устранила недостатки теории прав, позволив криминализировать нарушения других законных интересов, которые не считаются правами в традиционном смысле. Таким образом, он утверждал, что концепция законных интересов подразумевает необходимые условия и цели для свободного развития личности, реализации ее основных прав и надлежащего функционирования государственных институтов, необходимых для достижения этих целей. Он также настаивал на том, что нормативная точка зрения ТЗИ способствует воплощению в жизнь других правовых принципов, таких как принцип причинения вреда. Тем самым она обосновывает причины процесса криминализации и устанавливает необходимые критерии правовых концепций. Кроме того, адаптируемость ТЗИ и ее сочетаемость с другими правовыми принципами обеспечивает гибкий подход, который способствует преодолению правовой неопределенности и укреплению норм права (Ambos, 2015).

Lanz (2023) показал, что термин «охраняемый законом интерес» имеет два измерения: описательное или нормативное. В описательном смысле это юридические интересы, гарантируемые существующими уголовными законами. С нормативной точки зрения он означает законные интересы, которые, согласно определенным взглядам на уголовную политику, должны защищаться уголовным законодательством. С другой стороны, Tianyang (2024) пришел к выводу, что принцип защищенных законных интересов заложен в самой сути уголовного законодательства. Являясь важнейшим правовым инструментом поддержания общественного порядка и защиты прав граждан, этот принцип является неотъемлемой частью законодательного процесса. Благодаря четкому определению преступных деяний, установлению соответствующих наказаний и адаптации к социальным изменениям уголовное законодательство обеспечивает эффективную реализацию этого принципа. Такой подход не только уважает права личности, но и подчеркивает роль уголовного права в поддержании общественного порядка.

Atadjanov (2019) утверждал, что немецкое понимание теории законных интересов является всеобъемлющим, что оно может быть расширено в качестве нормативного и включать другие категории интересов, даже те, которые превосходят прогнозы представителей юридической науки и практики. Защищенные законом интересы – это детерминанты, которые направляют политиков и законодателей к подходу, гарантирующему национальные интересы. Таким образом, ТЗИ может вобрать в себя новые концепции и термины, поскольку они дают преимущества определенному государству и, следовательно, отражают фундаментальные ценности и интересы. Согласно Atadjanov, это напрямую вытекает из нормативного аспекта ТЗИ.

Несмотря на это, Wilenmann (2019) раскритиковал немецких ученых за научное местничество и шовинизм. Он охарактеризовал эту теорию как замкнутую в себе и самореферентную, но стремящуюся оказать существенное влияние на глобальные исследования в области уголовного права. По его словам, авторы позиционировали ТЗИ как образец для изучения уголовного права на международном уровне, который часто игнорирует точки зрения других правовых традиций. По сути, эта критика подчеркивает необходимость более глобального и инклюзивного подхода при обсуждении правовых теорий. Atadjanov (2019) многое сделал для введения ТЗИ в англоязычный научный оборот, однако он привел нормативное обоснование этой теории как полезной для юридической практики, тогда как ТЗИ обеспечивает теоретическую основу для понимания концепции законных интересов. В его обзоре подчеркивалось, что простого определения законных интересов недостаточно; необходим поиск обоснования для обеспечения правовой защиты определенных интересов, поскольку без такой нормативной основы весь подход остается скорее теоретическим, чем практическим. Таким образом, соблюдение баланса между нормативными и практическими аспектами ТЗИ является необходимым условием сохранения функциональности этого вклада немецких ученых в теорию права.

2.2. Вклад теории в развитие правовых систем

ТЗИ служит инструментом для распространения официальных правовых мер реагирования на уголовные и неуголовные инциденты с целью обеспечить целостность защищаемых интересов в соответствии с правовыми нормами, что является необходимым условием мирного сосуществования в обществе. Более того, Tianyang (2024) утверждает, что теория защиты прав человека является важнейшей основой для принципа защиты законных интересов. Права человека, включая право на человеческое достоинство, представляют собой ключевую ценность, которую нельзя упускать из виду в любой правовой системе. Являясь важным механизмом ограничения прав граждан, уголовное законодательство должно соответствовать принципу защиты прав человека, чтобы гарантировать, что при борьбе с преступной деятельностью не будут нарушены законные права и интересы граждан (Lanz, 2023; Tianyang, 2024). Проще говоря, придерживаясь принципа защиты законных интересов, необходимо обеспечить, чтобы уголовное законодательство, добиваясь справедливости, наказывало за преступления, но не ущемляло прав и интересов невинных людей. Следует отметить, что упомянутые законные интересы представляют собой интересы, на защиту которых и направлено уголовное законодательство. Они могут быть материальными (например,

жизнь, здоровье или собственность) или нематериальными (например, достоинство личности, неприкосновенность частной жизни или свобода), что и составляет суть ТЗИ. Это нормативный аспект ТЗИ, который выходит за рамки простого описания статус-кво и дает рекомендации по надлежащему образу действий. Кроме того, ТЗИ предлагает конституционную гарантию обеспечения законности судебного разбирательства путем защиты прав и интересов сторон судебного процесса (Olha, 2024). Тем самым становится невозможным лишить какого-либо гражданина интереса или права без явного юридического обоснования. ТЗИ вводит набор нормативно определенных и организационно формализованных методов и средств, обеспечивающих фактическую реализацию прав, свобод и обязанностей отдельных лиц и граждан (Olha, 2024). Кроме того, ТЗИ представляет собой отражение правового сознания общества и осознания справедливости его членами, что повышает надежность и беспристрастность правовой защиты, предоставляемой действующим процессуальным законодательством.

Функциональное приложение ТЗИ позволило государствам, независимо от собственной идеологии (Atadjanov, 2019), разрабатывать уникальные инструменты защиты законных интересов, которые должны опираться на действующие государственные механизмы, такие как законодательство, дипломатия и даже военная сила. В результате скептики критиковали ТЗИ за отсутствие минимального уровня беспристрастности, необходимого для правовых теорий, поскольку некоторые режимы использовали положения ТЗИ для оправдания своей расистской политики, в противоположность естественному общему благу, к которому стремится закон. Однако критика не подорвала прочного правового положения ТЗИ. Ее вклад в развитие уголовного права и защиту основных законных интересов показал Atadjanov (2019). Являясь основополагающим элементом уголовного законодательства, основная цель защиты законных интересов заключается в обеспечении полного уважения и защиты законных прав и интересов каждого гражданина при разработке и применении уголовного законодательства, в том числе иных законодательных актов (Tianyang, 2024). Более того, ТЗИ доказывает свою эффективность в качестве критерия конституционности положений уголовного права, когда они оспариваются в Конституционном суде Германии, поскольку она содержит твердые и рациональные положения для обоснования судебных решений (Ambos, 2015).

Суды внесли значительный вклад в укрепление ТЗИ, поскольку судебное толкование положений уголовного права разъясняет значение и сферу применения принципа защиты законных интересов (Tianyang, 2024). На практике судьи полагаются на эти толкования при решении вопросов защиты законных интересов в конкретных делах, обеспечивая соблюдение принципа. Судебные толкования учитывают социальные реалии и потребности судебной системы, обеспечивая углубленный анализ и рекомендации. Это помогает судьям правильно применять данный принцип и дает гражданам четкие юридические рекомендации по защите их прав. Уголовный кодекс, поправки и судебные толкования – все это воплощает указанный принцип в законодательстве и практике. Таким образом, постоянное судебное толкование обеспечивает эффективное применение ТЗИ для поддержания социальной справедливости и стабильности в отношении применения правовых норм.

3. Интересы государства в киберпространстве как охраняемые законом интересы

3.1. Применимость теории законных интересов в киберпространстве

Как указывалось ранее, ТЗИ была создана в Германии как национальная теория, определяющая преступные деяния, которые являлись преступлениями в рамках конкретного сообщества. Работа Atadjanov (2019) доказывает, что немецкие ученые никогда не намеревались использовать эту теорию в международной юридической практике. Таким образом, попытка использовать его для защиты интересов государства в киберпространстве предполагает расширение сферы применения ТЗИ с внутреннего уголовного права на неуголовное международное право, а также на политику и дипломатию.

Использование национальной теории уголовного права для обоснования политики государства по защите национальных интересов в киберпространстве допустимо, поскольку международная правовая практика свидетельствует о принятии международными судами общих принципов права, будь то уголовное или международное право (Atadjanov, 2019), без учета их происхождения. Внедрение общеправовых теорий придает им прочный правовой статус, применимый к нескольким сферам права. Кроме того, непосредственное использование теорий уголовного права, в частности ТЗИ, устраняет законодательный вакуум при рассмотрении новых правовых вопросов, что является естественным вкладом доктрины уголовного права. По мнению Atadjanov (2019), практика международных уголовных трибуналов свидетельствует о том, что они прибегают к основным принципам уголовного права для устранения любых пробелов, препятствующих разрешению судебных споров. Таким образом, ТЗИ, созданная как внутригосударственная немецкая теория, может быть использована для регулирования практики государств в отношении национальных интересов в киберпространстве, которое представляет собой международную виртуальную среду, при условии, что национальное законодательство основано на тех же правовых принципах, что признаны в международном праве. Аналогичным образом, Международный уголовный суд разрешил выносить международные судебные решения на основе национальных правовых принципов, если они согласуются с фундаментальными целями Суда². Определяющим фактором в данном случае является объективное соответствие ценностей между принципом внутреннего законодательства и международным правом.

Другое обоснование кроется в природе самого уголовного права. ТЗИ может быть применена в киберпространстве благодаря экспансивной природе уголовного права; принципы уголовного права носят управленческий характер, что свидетельствует о продолжающемся расширении сферы управления человеческими взаимодействиями (Bidasolo, 2023). Согласно указанному исследованию, юридическая практика показала, что точное и новаторское толкование принципов уголовного права практикующими юристами расширяет их применимость к другим сферам человеческой деятельности, помимо уголовных деяний. Martín de la Cuerda (2023) считает, что расширение принципов уголовного права является прямым следствием доминирующих процессов глобализации в киберпространстве. Эти процессы

² ICC, Prosecutor v. Mathieu Ngudjolo Chui, 18 December 2012, ICC-01/04-02/12.

предполагают переосмысление отношения к новым видам деятельности, создающим риски, и использование инструментов мягкого права. По мнению указанного автора, наднациональная экономическая интеграция, эволюция рынка, киберпреступность и транснациональная организованная преступность представляют собой ощутимые социальные риски глобализации. Без этих факторов не возникло бы необходимости криминализировать новые правонарушения или реформировать существующие. Таким образом, применение теории уголовного права к другим аспектам человеческой деятельности согласуется с подходом, который ограничивается соображениями разумности, требованиями необходимости и достижением общей цели удовлетворения потребностей. Поскольку государство может использовать различные инструменты для защиты национальных интересов (Thomas, 2023), теория в рамках уголовного права, т. е. ТЗИ, должна иметь приоритет по сравнению с этими методами, так как она узаконивает меры, принимаемые государством для защиты интересов в киберпространстве.

Поскольку политика государств в киберпространстве строится с учетом их интересов, ТЗИ повысит стабильность мирового порядка, определяя, когда и как государство должно вмешиваться в цифровую сферу для защиты национальных интересов. В рамках этой задачи ТЗИ придерживается буквального толкования концепции интереса, как это было объяснено Onditi (2023). Ограничивающая роль этой теории в уголовном праве способствует достижению поставленной цели, особенно учитывая отсутствие в международном праве консенсусного механизма, регулирующего этот вопрос (Abdelkarim, 2024). Действительно, различия во взглядах государств на концепцию интересов вызывают юридические трения, связанные с толкованием охраняемых правовых интересов. Достижение единого или, по крайней мере, консенсусного понимания положений ТЗИ среди ученых значительно снижает вероятность возникновения таких трений, учитывая огромный потенциал киберпространственных технологий и неравные возможности государств в киберпространстве. Эта теория отражает естественную космополитическую роль теорий уголовного права.

3.2. Приложение теории законных интересов к концепции киберпространственных интересов государства

Как политическая концепция, интересы способствуют выявлению особенностей и последствий национальных стратегий и политики государств на международной арене (Metea, 2020; Wang, 2022), поскольку они обеспечивают удовлетворение национальных потребностей. Это подразумевает, что для того, чтобы интересы были юридически нормативными, они должны удовлетворять определенному критерию, состоящему из правовых принципов, которые возводят интересы в ранг охраняемых законом. Поскольку ТЗИ представляет собой набор правовых требований, применимых к данному понятию, интересы должны удовлетворять требованиям ТЗИ и пользоваться максимальной правовой защитой, предоставляемой этой теорией.

Из предыдущего объяснения концепции интересов и современного понимания ТЗИ следует, что концепция охраняемого законом интереса состоит из следующих нескольких конкретных элементов:

- 1) цель – удовлетворить потребность определенной группы,
- 2) необходимость – важное условие для достижения этой цели,
- 3) технический результат – добиться желаемого изменения для этой группы.

Следовательно, национальные интересы в киберпространстве должны соответствовать этим принципам, которые должны быть закреплены в ТЗИ как охраняемые законом интересы, тем самым обязывая государственные органы защищать их в этой виртуальной среде. Интересы в киберпространстве должны отвечать конкретным потребностям граждан государства, повышать уровень их жизни, быть необходимыми для достижения непрерывного развития общества, а их воздействие на граждан должно быть позитивным и реалистичным. При соблюдении этих требований национальные интересы в киберпространстве квалифицируются как охраняемые законом интересы, поддержание которых отвечает общим целям теорий уголовного права, касающимся обеспечения мирного сосуществования и безопасности в киберпространстве. Этот подход повторяет логику Atadjanov (2019), который в качестве охраняемого законом интереса в рамках ТЗИ рассматривает человечность, являющуюся философской социальной концепцией, поскольку человечность удовлетворяет определенным требованиям, о которых он упоминает.

Управление политикой государств в киберпространстве с целью обеспечения безопасности и мирного сосуществования – это необходимость, подразумевающая подчинение национальной политики в киберпространстве строгой правовой теории, такой как ТЗИ. Без стремления к достижению этой цели поиск правовой основы для национальной политики, защищающей интересы государств в киберпространстве, становится бессмысленным; эта цель представляет собой логическое обоснование использования национальной теории уголовного права в области политики государств в киберпространстве, учитывая всеобщий научный консенсус в отношении концепции интересов. Общеизвестно, что отсутствие норм, регулирующих киберполитику государств, угрожает всеобщему миру и безопасности, поскольку односторонняя политика приводит к межгосударственным конфликтам; это негативное последствие, которого следует избегать. Более того, Atadjanov (2019) утверждал, что очевидная побочная цель имеет решающее значение для применения ТЗИ, поскольку простого описания законного интереса оказывается недостаточно для применения этой теории. Функциональный аспект является доминирующим фактором в этом отношении.

Кроме того, гибкость концепции киберинтересов государства, которая, согласно Abdelkarim (2024), является свойством, отвечающим технической природе киберпространства, позволяет использовать вышеупомянутый механизм для определения их как охраняемых законом интересов в соответствии с ТЗИ, поскольку гибкость в этом контексте способствует применению инструментов юридической логики, таких как индукция, аналогия, анализ и заключение, что позволяет определить применимость правовых теорий к политическим концепциям.

Таким образом, ТЗИ влияет на современное понимание государственных интересов в киберпространстве, поскольку способствует развитию возможностей государств по выявлению киберпространственных интересов, заслуживающих правовой защиты, таких как конфиденциальность, целостность данных, суверенитет и экономическая стабильность, а также способствует разработке политики для обеспечения их целостности. Применение этой теории повышает управляемость киберпространства, превращая его из вакуума беззакония в сферу, где правовые теории оказываются функциональными.

Заключение

Исследование показало, что концепция государственных интересов технически эволюционировала и может применяться в киберпространстве, где она оказывается основополагающей для разработки национальной политики, направленной на защиту национальных интересов. Реалистичность этой концепции выходит за рамки традиционного политического понимания и создает прочную правовую базу. Поскольку односторонние действия могут привести к конфликтам, в исследовании предпринята попытка разработать юридическую теорию для анализа и определения концепции киберинтересов государства. Применение уголовно-правовой теории об охраняемых законом интересах к концепции интересов государства в киберпространстве является эффективным благодаря широкой применимости принципов уголовного права в различных правовых сферах. Соответственно, ТЗИ может внести вклад в формирование концепции государственных интересов в киберпространстве в качестве охраняемых законом интересов. Таким образом, защита национальных интересов в киберпространстве получает всеобъемлющую правовую базу. Это составляет основу правового аспекта концепции государственных интересов.

Подводя итог, можно сказать, что ТЗИ дает возможность проанализировать концепцию государственных интересов в киберпространстве с юридической точки зрения. По мере развития цифровых технологий правовая теория адаптируется, а поиск сбалансированных решений укрепляет верховенство закона в киберпространстве.

Список литературы

- Abdelkarim, Y. A. (2024). A Literature Review of the Evolution of Sovereignty and Borders Concepts in Cyberspace. *International Cybersecurity Law Review*, 5, 365–372. <https://doi.org/10.1365/s43439-024-00118-0>
- Ambos, K. (2015). The Overall Function of International Criminal Law: Striking the Right Balance Between the Rechtsgut and the Harm Principles: A Second Contribution Towards a Consistent Theory of ICL. *Criminal Law and Philosophy*, 9, 301–329. <https://doi.org/10.1007/s11572-013-9266-1>
- Atadjanov, R. (2019). *Humanness as a Protected Legal Interest of Crimes Against Humanity: Conceptual and Normative Aspects*. TMC Asser Press. <https://doi.org/10.1007/978-94-6265-299-6>
- Bidasolo, M. C. (2023). Is It Possible to Limit the Penal Intervention in the Twenty-First Century? In E. C. Demetrio et al. (Eds.), *Crisis of the Criminal Law in the Democratic Constitutional State, Legal Studies in International, European and Comparative Criminal Law* (Vol. 6, pp. 3–16). Springer Nature Switzerland AG. https://doi.org/10.1007/978-3-031-13413-5_1
- Cox, L. (2021). *Nationalism: Themes, Theories, and Controversies*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-9320-8>
- de la Cuerda Martín, M. (2023). The Impact of Soft Law on the Expansion of Criminal Law. In E. C. Demetrio et al. (Eds.), *Crisis of the Criminal Law in the Democratic Constitutional State, Legal Studies in International, European and Comparative Criminal Law* (Vol. 6, pp. 231–249). Springer Nature Switzerland AG. https://doi.org/10.1007/978-3-031-13413-5_13
- Fang, B. (2018). *Cyberspace Sovereignty: Reflections on Building a Community of Common Future in Cyberspace*. Science Press and Springer Nature Singapore Pte Ltd. <https://doi.org/10.1007/978-981-13-0320-3>
- Foulon, M., & Meibauer, G. (2024). How cyberspace affects international relations: The promise of structural modifiers. *Contemporary Security Policy*, 45(3), 426–458. <https://doi.org/10.1080/13523260.2024.2365062>
- Huntington, S. (1997). The Erosion of American National Interests. *Foreign Affairs*, 76(5), 28–49. <https://doi.org/10.2307/20048198>
- Lanz, J. G. (2023). The Attack on the Protected Legal Interests: A Criminalisation Principle and an Element of the Criminal Offence. *Ius Novem*, 17(3), 19–31. <https://doi.org/10.2478/in-2023-0019>
- McLean, I., & McMillan, A. (2009). *The Concise Oxford Dictionary of Politics* (3 ed.). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acref/9780199207800.001.0001>
- Metea, I. (2020). National Interest: Terminology and Directions of Approach. In *International Conference Knowledge-Based Organization*, 26(1), 75–79. <https://doi.org/10.2478/kbo-2020-0011>

- Olha, M. (2024). The Concept of Effectiveness of Ensuring the Rights and Legal Interests of a Person in Pre-trial Criminal Proceedings. *Visegrad Journal on Human Rights*, 1, 56–63. <https://doi.org/10.61345/1339-7915.2024.1.9>
- Onditi, F. (2023). Introduction: Diplomatic Thought and Practice. In F. Onditi et al. (Eds.), *The Palgrave Handbook of Diplomatic Thought and Practice in the Digital Age*. (pp. 1–31). Springer Nature Switzerland AG. https://doi.org/10.1007/978-3-031-28214-0_1
- Reiterer, M. (2022). EU Cyber Diplomacy: Value- and Interest-Driven Foreign Policy with New Focus on the Indo-Pacific. In G. Boulet, M. Reiterer, & R. P. Pardo (Eds.). *Cybersecurity Policy in the EU and South Korea from Consultation to Action. New Security Challenges* (pp. 17–39). Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-08384-6_2
- Thomas, A. J. (2023). The Open World Ethos. In *The Open World, Hackbacks and Global Justice* (pp. 15–36). Springer Nature Singapore Pte Ltd. https://doi.org/10.1007/978-981-19-8132-6_2
- Tianyang, L. (2024). The Embodiment and Practice of the Principle of Legal Interest Protection in Criminal Legislation. *International Journal of Frontiers in Sociology*, 6(3), 44–50. <https://doi.org/10.25236/ijfs.2024.060308>
- Topor, L. (2024). Sovereignty, Power, International Security and a Lack of International Law. In *Cyber Sovereignty. Global Power Shift* (pp. 45–73). Springer Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-58199-1_3
- Wang, P. (2022). *Principle of Interest Politics: Logic of Political Life from China's Perspective*. Peking University Press. Springer. <https://doi.org/10.1007/978-981-19-3963-1>
- Wilenmann, J. (2019). A New Legal Science with an Old Aftertaste. *The University of Toronto Law Journal*, 69(4), 540–556. <https://doi.org/10.3138/utlj.2019-0057>

Сведения об авторе

Яссин Абдалла Абделькарим – судья, суд общей юрисдикции в Луксоре, министерство юстиции Египта; магистр права, Школа права в Лиддсе, Лидский университет Беккета

Адрес: 82516, Египет, г. Сохаг, Мадинат Нассер, ул. Ахмим Сохаг, Нью Касалови Хотел; LS1 3HE, Великобритания, г. Лидс, городской кампус

E-mail: yassinabdelkarim91@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7388-1337>

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.15.41 / Государственный суверенитет

Специальность ВАК: 5.1.1 / Теоретико-исторические правовые науки

История статьи

Дата поступления – 3 октября 2024 г.

Дата одобрения после рецензирования – 15 октября 2024 г.

Дата принятия к опубликованию – 13 декабря 2024 г.

Дата онлайн-размещения – 20 декабря 2024 г.

Research article

UDC 34:004:342.1:004

EDN: <https://elibrary.ru/bbsqnh>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.39>

A Rechtsgutstheorie Lens on the Legal Aspects of the States' Cyber Interest Concept

Yassin Abdalla Abdelkarim

Luxor Elementary Court, Luxor, Egypt
Leeds Beckett University, Leeds, United Kingdom

Keywords

criminal law,
cyber diplomacy,
cyber interests,
cyberspace,
digital technologies,
human rights,
international judicial practice,
national interests,
state interests,
theory of legitimate interests

Abstract

Objective: to show the evolution of the state interests concept and its application in cyberspace, where it turns out to be fundamental for the development of state military policy aimed at protecting national interests.

Methods: the research is based on the intersection of the theory of law and the concept of cyber interests of the state through the prism of the theory of legitimate interests (Rechtsgutstheorie). The latter was originally developed within the criminal law science, but with prospects for studying the concept of state interests in cyberspace. The application of the theory of legitimate interests made it possible to study the state cyber interests concept and determine its legal classification and applications. In particular, the theory of legitimate interests in this study is used to explore the legal perspectives of the concept of state interests in cyberspace as interests subject to legal protection.

Results: it is determined that in the dynamic landscape of cyberspace, there are multifaceted interests of states related to national security, economic prosperity, sovereignty and diplomacy. To ensure their protection, states initiate strategies that generate a variety of political and legal consequences in international relations. This fact determines the importance of studying the concept of state interests from a legal viewpoint, as well as their legal status and consequences. Parallels are drawn between the concept of protected legal interests within the theory of legitimate interests and cyber interests that states seek to protect. The theory requires balancing the competing interests; hence, its applicability to the actions of the state in cyberspace is

© Abdelkarim, Y. A., 2024

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

considered. The obstacles are identified, that hinder applying the theory of legitimate interests to cyberspace, including difficulties of attribution, damage thresholds and the need for global consensus. The author shows the evolution of the concept of state interests, which determines the possibility of its application in cyberspace, where it serves the purposes of developing state policy aimed at protecting national interests.

Scientific novelty: it is expressed in the reflection of the theory of legitimate interests to the formation of the legal concept of cyber interests of the state, which serves as a sufficient justification for the protection of specific cyber interests.

Practical significance: the main conclusions outlined in the article can be used to identify cyberspace interests subject to legal protection (such as confidentiality, data integrity, sovereignty, and economic stability). They may also improve legal mechanisms for protecting national interests in cyberspace, ensure uniformity of relevant international judicial practice, and improve the efficiency and quality of state policy management in cyberspace in order to ensure security and peaceful coexistence.

For citation

Abdelkarim, Y. A. (2024). A Rechtsgutstheorie Lens on the Legal Aspects of the States' Cyber Interest Concept. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(4), 782–801. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.39>

References

- Abdelkarim, Y. A. (2024). A Literature Review of the Evolution of Sovereignty and Borders Concepts in Cyberspace. *International Cybersecurity Law Review*, 5, 365–372. <https://doi.org/10.1365/s43439-024-00118-0>
- Ambos, K. (2015). The Overall Function of International Criminal Law: Striking the Right Balance Between the Rechtsgut and the Harm Principles: A Second Contribution Towards a Consistent Theory of ICL. *Criminal Law and Philosophy*, 9, 301–329. <https://doi.org/10.1007/s11572-013-9266-1>
- Atadjanov, R. (2019). *Humanness as a Protected Legal Interest of Crimes Against Humanity: Conceptual and Normative Aspects*. TMC Asser Press. <https://doi.org/10.1007/978-94-6265-299-6>
- Bidasolo, M. C. (2023). Is It Possible to Limit the Penal Intervention in the Twenty-First Century? In E. C. Demetrio et al. (Eds.), *Crisis of the Criminal Law in the Democratic Constitutional State, Legal Studies in International, European and Comparative Criminal Law* (Vol. 6, pp. 3–16). Springer Nature Switzerland AG. https://doi.org/10.1007/978-3-031-13413-5_1
- Cox, L. (2021). *Nationalism: Themes, Theories, and Controversies*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-9320-8>
- de la Cuerda Martín, M. (2023). The Impact of Soft Law on the Expansion of Criminal Law. In E. C. Demetrio et al. (Eds.), *Crisis of the Criminal Law in the Democratic Constitutional State, Legal Studies in International, European and Comparative Criminal Law* (Vol. 6, pp. 231–249). Springer Nature Switzerland AG. https://doi.org/10.1007/978-3-031-13413-5_13
- Fang, B. (2018). *Cyberspace Sovereignty: Reflections on Building a Community of Common Future in Cyberspace*. Science Press and Springer Nature Singapore Pte Ltd. <https://doi.org/10.1007/978-981-13-0320-3>
- Foulon, M., & Meibauer, G. (2024). How cyberspace affects international relations: The promise of structural modifiers. *Contemporary Security Policy*, 45(3), 426–458. <https://doi.org/10.1080/13523260.2024.2365062>